ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

М. И. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ

НАЗЫВАНИЕ И ПОЗНАНИЕ В ТЕОРИИ ГРАММАТИКИ

В течение последнего полувека основной тенденцией структуралистской теории грамматики было то, что можно назвать принципом формальности описания. Подчеркивалась важность ф о р м ы описания грамматической действительности, того, к а к эта действительность описывается, с помощью каких понятий, в каких терминах. Тем самым как бы подразумевалось, что сама по себе грамматическая действительность конкретных языков для грамматиста-теоретика — нечто известное, не то, что должно быть познано, а то, что должно быть определенным образом описано. Другими словами, структуралистская теория грамматики ставила своей целью открытие нового не в самой грамматической действительности, а в методах ее описания.

Одно из наиболее очевидных проявлений принципа формальности описания в структуралистской теории грамматики заключалось в том, что, как правило, всякий грамматист-теоретик стремился построить свою систему описания грамматической действительности, т. е. описать ее в своих собственных терминах и тем самым в возможно большей степени освободиться от традиционной терминологии (примеры таких описаний здесь не приводятся, так как сделать это слишком легко, и наоборот, исключения из того, что было правилом, не приводятся, так как сделать это слишком трудно). Правда, превратиться в грамматического Адама далеко не всегда удавалось. Выгоняя в одну дверь термины «существительное», «глагол» и т. п., грамматист сплошь и рядом оказывался вынужденным впустить их назад через другую дверь переодетыми как «слова класса № 1» и т. п., и читатель, как на маскараде, с удивлением узнавал своих старых знакомых в маскарадных костюмах. Вместе с тем, введение новых терминов, естественно, очень затемняло различие между новшеством формальным и новшеством содержательным или даже делало невозможным обнаружение того, что могло быть новшеством содержательным. Но ведь в том и заключается формальность описания, что важно — формальное новшество, а не содержательное. Именно поэтому введение новых терминов — это всегда проявление формальности описания.

Всякое введение нового термина — это в большей или меньшей степени замена вопроса «что собой представляет данное явление?» вопросом «как следует называть данное явление?». Такая замена особенно очевидна в том случае, когда новые термины как бы заданы общей тенденцией развития терминологии в данной области. Так, в структуралистской теории грамматики развитие грамматической терминологии было в значительной степени задано так называемой теорией изоморфизма, т. е. общей тенденцией переноса фонологических терминов в теорию грамматики. Очевидно, что в этом случае вопрос о том, что собой представляют

те или иные грамматические явления, заменялся чисто терминологическим вопросом о том, что называть терминами «морфема» («семема») «морф» («сема»), «алломорф», «архиморфема» и т. п., образованными по аналогии с фонологическими терминами «фонема», «фон», «аллофон», «архифонема» и т. д., или какие уже известные грамматические явления называть фонологическими терминами «оппозиция», «нейтрализация» и т. п.

Само собой разумеется, что ответ на вопрос, что следует называть тем или иным заранее заданным термином, не только не раскрывает что-то новое в объекте исследования, но и неизбежно влечет за собой упрощение фактов, их схематизацию. Это хорошо иллюстрирует сборник ответов, который Мартине опубликовал в 1967 г.¹ Несколько десятков видных ученых разных стран высказали в этом сборнике свои предложения относительно того, какие грамматические явления следует называть «нейтрализациями». Все эти явления были, естественно, известны и раньше, хотя назывались иначе или не назывались особым термином, и в данном сборнике трактуются по необходимости кратко и упрощенно. Границы возможного в структуралистской теории грамматики были раскрыты, таким образом, с максимальной четкостью в этой классической в своем роде антологии, и это, несомненно, большая заслуга Мартине, инициатора и редактора сборника².

В дескриптивной лингвистике принцип формальности описания выражен в самом названии этого направления лингвистических исследований. В сущности, формальность описания можно было бы назвать также принципом дескриптивности или дескриптивизмом. Этот принцип последовательно проведен уже в главах, посвященных грамматике в книге «Язык» Блумфилда, который справедливо считается основоположником дескриптивной лингвистики. Блумфилд (в противоположность например, Сепиру) не интересуется сущностью грамматических явлений. Во всяком случае, он не делает ни малейшей попытки сказать о ней что-либо новое. По-видимому, она представляется ему известной из существующих описаний грамматического строя конкретных языков. Термины, которые он вводит, — «языковая форма», «свободная» и «связанная», «сложная» и «простая», «модуляция», «модификация», «селекция», «семема», «таггема», «эписема» и т. д. — это все названия для вещей, которые были хорошо известны и раньше. Главы, посвященные теории грамматики в его книге «Язык» (как и соответствующие постулаты в его знаменитом «Наборе постулатов для науки о языке», — это перечни таких терминов. По концепции Блумфилда такие термины должны обеспечить возможность научного описания грамматического строя конкретных языков, а теория грамматики — свестись к созданию таких терминов.

Уже в главах, посвященных теории грамматики в книге Блумфилда «Язык», выдвигается, хотя и не очень четко, требование, которое впоследствии сыграло огромную роль в структуральном языкознании и которое, в сущности, представляет собой квинтэссенцию принципа формальности описания. Речь идет о требовании простоты описания³. Смысл этого требования заключается, конечно не в том, что его выполнение обеспечивает

¹ «La notion de neutralization dans la morphologie et le lexique», «Travaux de l'Institut de linguistique, Faculté des lettres de l'Université de Paris», II, 1957.

² Об использовании фонологических терминов в грамматике см. также статью автора в сборнике в честь А. Мартине: М. И. С т е в л и н - К а м е н с к и й, Изоморфизм и «фонологическая метафора», «Word», 23, 1—2—3, 1967, стр. 494—499 («Linguistic studies presented to André Martinet»). См. также: М. И. С т е в л и н - К а м е н с к и й, Neutralization, the word and the thing, «Philologica Pragensia», XI, 1, 1968, стр. 29—32.

³ Ср. например: «Выбрав один путь, мы приходим к излишне усложненному описанию, а выбрав другой — к сравнительно простому» (Л. Б л у м ф и л д, Язык, М.,

«простоту» в обывательском смысле этого слова, т. е. понятность, ясность, четкость, доступность и т. п. (очевидно, конечно, что переформулировка в новых терминах, которую вызывает выполнение этого требования, делает описание, как правило, менее понятным, а иногда и совсем непонятным), а в том, что подчеркивается важность формы описания, т. е. утверждается примат формы описания над его содержанием.

Принцип формальности описания лежит в основе всех дескриптивистских теорий грамматического описания. Чтобы проанализировать каждую из них по отдельности, понадобились бы тома. Но едва ли это когда-нибудь окажется необходимым, ибо, насколько изощренны и сложны процедуры, предлагаемые этими теориями, настолько элементарен и очевиден принцип, лежащий в их основе. Принцип этот лежит в основе и теории трансформационной грамматики, поскольку эта теория сводится к требованию формализации, или переформулировке в математических терминах, того, что уже известно, причем известно не только науке, но и каждому говорящему на данном языке, а именно — тех правил, которыми фактически пользуется каждый говорящий на данном языке в своей речевой деятельности.

Но выражение принципа формальности описания, сыгравшее наибольшую роль в языкознании и, в частности, в теории грамматики, — это, несомненно, знаменитое утверждение Ельмслева о том, что описание должно быть непротиворечивым, исчерпывающим и предельно простым, причем требование непротиворечивости должно предшествовать требованию исчерпывающего описания, а требование исчерпывающего описания должно предшествовать требованию простоты⁴. Утверждение Ельмслева, конечно, — лишь развернутое и усложненное требование простоты описания. Очевидно, что непротиворечивость описания подразумевает описание того, что уже известно, в терминах, удовлетворяющих определенным требованиям, а именно — в терминах непротиворечивых, т. е. согласованных между собой, симметричных, образующих стройную систему и т. д., в частности, терминов, образованных с помощью одних и тех же суффиксов (-ема, -oid и пр.). Формальность требования исчерпывающего описания не так ясна. Однако, что должно быть исчерпано в описании, согласно этому требованию? Все, что можно узнать об объекте описания, все возможности его познания? Очевидно, нет: ведь эти возможности бесконечны, и абсурдно было бы требовать их исчерпания. Исчерпать можно только конечное, т. е. то, что уже известно об объекте описания. Следовательно, исчерпывающее описание — это такое описание, в котором учитывается все, уже известное об объекте описания. Но так как, согласно Ельмслеву, требование непротиворечивости предшествует требованию исчерпывающего описания, то, следовательно, тем, что уже известно об объекте описания, можно пренебречь, если оно не укладывается в непротиворечивое описание. Что же касается требования простоты описания, то оно, согласно Ельмслеву, применяется тогда, когда нужно сделать выбор между несколькими непротиворечивыми и исчерпывающими описаниями⁵, т. е. оно есть требование формальности описания, так сказать во второй степени.

Конечно, принцип формальности описания подразумевает, что название принимается за познание. В самом деле, уже у Ельмслева есть утверждение, что описание, удовлетворяющее всем указанным выше требованиям, и есть познание описываемого объекта⁶. В таком случае

1968, стр. 236) или «проще и естественнее, однако, исходить при описании...» (там же, стр. 237) и т. д.

⁴ Л. Ельмслев, Прологом к теории языка, в кн.: «Новое в лингвистике», I, М., 1960, стр. 272.

⁵ Там же, стр. 278.

⁶ Там же, стр. 276: «такое непротиворечивое и исчерпывающее описание ведет к тому, что обычно называется знанием или пониманием исследуемого предмета».

основное преимущество грамматиста-структуралиста перед грамматистом-традиционалистом в том и заключается, в сущности, что, поскольку структуралистская теория подразумевает признание названия за познание, грамматист-структуралист не претендует на выполнение того, чего он действительно не выполняет, т. е. на большее, чем название по-новому того, что было известно и раньше. Между тем грамматист-традиционалист, даже в тех случаях (обычных и в традиционной грамматике), когда фактически решается вопрос о том, как следует назвать то или иное явление, всегда претендует на то, что он открывает новое в грамматической действительности, способствует ее познанию.

Если сравнить грамматическую действительность с зоологическим садом, то структуралист-теоретик, называя животных, томящихся в этом саду, новыми названиями, например тигра — «тигремой» или «тигроидом», а зебру — «зебремой» или «зеброидом», при этом утверждает, что данное описание непротиворечиво и предельно просто, и, утверждая это, он прав. Между тем грамматист-традиционалист, называя тех же животных по-новому, например, наличие тигра — «тигриностью», а наличие зебры — «зебральностью», при этом утверждает, что тем самым он открывает что-то новое в этих животных, но, утверждая это, он неправ.

Иллюстрировать эту специфику традиционалистских теорий грамматики мог бы любой теоретический спор, протекавший в рамках традиционной грамматики. Так, можно было бы показать, что спор о том, «грамматизовано» или «не грамматизовано» то или иное сочетание слов, сводится к вопросу о том, какое из уже известных явлений называть «грамматизованностью», спор о том, каково «категориальное значение» той или иной формы, сводится к вопросу о том, какое из ее уже известных значений называть «категориальным» и т. д. и т. п. Но, пожалуй, наилучшей иллюстрацией будет так называемая проблема предикативности, как она трактовалась в традиционной грамматике. Автор однажды уже выступал в печати на эту тему⁷. Статья, опубликованная им, была в основном критической и, хотя в откликах на нее, которые доходили до автора, ему приписывалось и нечто положительное, он не может сейчас обнаружить в своей статье ничего положительного, кроме того, что он предлагал называть «предикативностью» наличие сказуемого в предложении или — его грамматического аналога в части предложения. Дело в том, что, как это часто бывает с терминами, используемыми в традиционной грамматике, «предикативностью» называют несколько разных вещей, притом нередко — одновременно, хотя, по-видимому, обычно полагают, что имеют в виду какую-то одну определенную вещь.

«Предикативностью» называют многие то начало, силу или свойство, которые делают предложение предложением, другими словами — наличие предложения, или, так сказать, «предложенность»⁸. Возможно ли, однако, такое, в сущности, тавтологическое название? Оно возможно, поскольку, хотя всякому понятно, что такое предложение, никто до сих пор не мог дать логически удовлетворительного определения предложения, т. е. сказать, в чем именно его сущность, что делает предложение предложением. Термин, обозначающий наличие предложения, или «предложенность», создает иллюзию того, что эта сущность найдена. Казалось бы, что в таком случае можно определить предложение как «то, основным свойством чего является

⁷ М. И. Стеблин-Раменский, О предикативности, «Вестник ЛГУ», Серия истории, языка и литературы, 1956, 20, 4.

⁸ Ср., например, такое определение предикативности, как «основная синтаксическая категория, формирующая предложение» (БСЭ², 34, М., 1955, стр. 402).

предикативность» или как-нибудь в этом роде. Однако такого определения предложения, кажется, никто до сих пор не давал и наверно потому, что такое определение было бы слишком явной тавтологией. Нельзя же сказать «слово — это то, основным свойством чего является словность», «существительное это то, основным свойством чего является существительность», «предложение — это то, основным свойством чего является предложенность (= предикативность)» и т. д. Правда, вместо «словность» можно сказать «цельнооформленность», и тогда тавтология становится незаметной, а «существительность» можно раскрыть как особое грамматическое значение, функцию которого нетрудно описать, и тогда тавтология исчезает. Можно и «предикативность» в значении «предложенность» раскрыть как «отнесенность содержания предложения к действительности» или как-нибудь в этом роде. Но это было бы софизмом, конечно; ведь отнесенность к действительности — это свойство речи вообще, а не отдельного предложения.

Впрочем возможно, что называние «предикативностью» того начала, которое делает предложение предложением, все же полезно, несмотря на свою тавтологичность. Как утверждают историки науки, очень полезной для развития химии было в свое время (XVII—XVIII вв.) теория флогистона, т. е. теория, объяснявшая горение наличием в горючих веществах начала горючести, т. е. флогистона. Возможно, что теория грамматики находится сейчас как раз на той стадии развития, на которой химия была в XVII—XVIII вв.

«Предикативностью» называют также наличие предиката (и это, очевидно, и есть этимологическое значение слова), а тем самым — отношение предиката суждения к его субъекту, т. е. наличие суждения (предикации). «Предикативностью» называют и наличие сказуемого, а также — его грамматических аналогов в различного рода зависимых оборотах, или частях предложения. Что такое предикат, суждение и сказуемое — это хорошо и очень давно известно. Вместе с тем, общепризнано, что суждение — это не то же самое, что предложение, а предикат — не то же самое, что сказуемое (правда, народы, в языке которых предикат и сказуемое называются одним словом, обычно пребывают в счастливом неведении этого, разве что они научаются различать «логический» и «грамматический» предикат). Таким образом, «предикативностью» называют разные известные вещи — наличие предложения (= «предложенность»), наличие предиката (или суждения), наличие сказуемого.

Конечно, вопрос о том, какие уже известные вещи следует называть тем или иным термином, в теории грамматики совсем не пустой вопрос. Напротив, как уже было сказано, в сущности такие вопросы обычно и есть то, чем занимается теория грамматики. Но плохо то, что традиционалистская теория грамматики (в противоположность структуралистской теории грамматики) обычно принимает вопрос о том, как следует называть то или иное явление, за вопрос о том, что оно собой представляет. При этом смысл утверждаемого становится особенно трудно уловимым, если одним и тем же термином разные вещи называются одновременно.

Спорят о том, есть ли «предикативность» в том или ином предложении или словосочетании, «предикативны» ли они и т. п., так, как будто это проблема, у которой есть какое-то единственное решение, которое надо найти. Между тем на самом деле решение этой мнимой проблемы автоматически вытекает из того, что назвать «предикативностью».

Можно называть «предикативностью» наличие сказуемого. Но утверждение, что «предикативность» — это наличие сказуемого, равносильно утверждению, что наличие сказуемого следует называть наличием сказуемого. Положительная часть статьи автора, упомянутой выше, в сущности сводится именно к такому утверждению.

Можно называть «предикативностью» наличие предиката, т. е. суждения. Но при этом надо отдавать себе отчет в том, что, хотя предикат и суждение — вещи ясные и понятные еще со времен Аристотеля, наличие их в предложении не всегда бесспорная вещь, поскольку они — не языковые факты, а мыслительные. Очевидно, конечно, что всякая интерпретация предложения как суждения, при которой как-то видоизменяют это предложение (подставляют другие слова, меняют порядок слов, интонацию и т. д.), превращает это предложение во что-то, отличное от него. Так что, в сущности, нет никакой принципиальной разницы между истолкованием предложений *Пожар*, *Веселенькая история* как «Это — пожар», «Эта история — веселенькая» и интерпретацией строки Фета «Шепот. Робкое дыханье» как «Шепот наличествует. Имеющее место дыхание характеризуется робостью», а восклицание «А!» в зависимости от контекста, как «То, что я вижу перед собой, мне очень нравится» или «То, что я так долго не мог понять, мне наконец стало понятно» и т. п.

Но дело в том, что интерпретация предложений как суждений может происходить в традиционалистской теории грамматики не в такой примитивной форме (т. е. не в форме замены данного предложения каким-то другим), а в гораздо более тонкой форме: смысловая структура всякого предложения истолковывается как априори двучленная, т. е. как «связывание», «сочетание», «соединение», «взаимное тяготение» или еще какое-то «отношение» двух «членов», «компонентов», «элементов», «представлений» и т. д. К такому толкованию смысловой структуры предложения сводится шахматовская теория «коммуникации», т. е. сочетание «двух представлений, приведенных движением воли в... предикативную связь»⁹ и многие другие традиционалистские теории предложения. Все они, конечно, представляют собой терминологически завуалированную интерпретацию всякого предложения как суждения, т. е. переименование субъекта и предиката в «два соединяющихся представления» и т. п. Именно потому, что компоненты, на которые расчленяется так смысловая структура предложения, и связь между ними, понимаются как нечто чисто мыслительное, т. е. то, что не обязательно получает языковое выражение и может присутствовать, по удачному выражению В. Г. Адмони, только «в проекции»¹⁰, их нетрудно примыслить в любом предложении. Таким образом, эта мыслительная структура (она-то и называется в таком случае «предикативностью»), оказывается тем, что делает предложение предложением, т. е. тем грамматическим флогистоном, благодаря постулированию которого сущность предложения как бы познана (т. е. названа).

⁹ А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, Л., 1941, стр. 19.

¹⁰ В. Г. Адмони, О предикативности, «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», Факт ин. яз., 2, 1957.